

А. В. Тоичкина

«СБИЛИСЬ МЫ...»?

(Теоретические заметки к спорам о романе «Идиот»)

В. А. Свительский в своем полемическом обзоре «„Сбились мы. Что делать нам!..“ (К сегодняшним прочтениям романа „Идиот“)», напечатанном в 15 номере альманаха «Достоевский и мировая культура», критически оценивает современный этап в изучении романа «Идиот». Для исследователя сегодняшняя полемика вокруг этого загадочного романа — кризисное явление, развивающееся на ниве глобального кризиса современного литературоведения. Данный взгляд, безусловно, правомочен и имеет под собой серьезные основания. Но хотелось бы взглянуть на проблему с другой точки зрения, ибо полемика вокруг «Идиота» имеет не только отрицательную, но, бесспорно, и свою положительную сторону. И вызвана эта полемика не только сменой идеологических ориентиров в обществе (на что указывает В. А. Свительский), но и назревшей необходимостью решения собственно научных задач.

Полемика на новом этапе вокруг романа «Идиот» ставит нас перед необходимостью решения вопроса о том, что такое «адекватное прочтение», заставляет снова вернуться к поискам методологии определения авторской позиции в тексте художественного произведения. Ведь диаметрально противоположные интерпретации образа князя Мышкина¹ обосновываются анализом одного и того же текста, одних и тех же подготовительных материалов, писем. Причем обе трактовки представляются исследователями как соответствующие авторскому замыслу (иногда с поправкой на эволюцию образа героя в процессе создания романа).

Кроме того, поэтика «Идиота», как никакого другого произведения Достоевского, заставляет современных исследователей открывать новые

---

¹ В данной работе я касаюсь именно полярных оценок героя. См., например, работы Е. Г. Новиковой («Евангельские тексты и проблема преступления и наказания в романе Ф. М. Достоевского „Идиот“») и Е. А. Трофимова («Образ Мышкина в первой части романа „Идиот“»), напечатанные в сб.: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / Сост. Т. А. Касаткина. М., 2001.

пути изучения «роли христианского контекста в содержании классической литературы»².

В полемике вокруг «Идиота» проявляется и такая общая проблема современного литературоведения, как противоречие между разработанными академической наукой подходами к интерпретации текста художественного произведения с установкой на адекватность выявления авторской позиции и современной западной теорией литературы, для которой текст не равен авторскому замыслу о нем, существует независимо от автора.

Таким образом, даже частично обозначенный круг собственно научных проблем требует обновления старых подходов, поиска и разработки новых методологий, заставляет двигаться вперед. А значит, полемика несет в себе потенциал преодоления кризиса и может оказаться плодотворной.

В данных заметках я не претендую на решение обозначенных сложных теоретических проблем. Для меня важно наметить направление, которое, возможно, окажется перспективным в процессе преодоления сложившейся вокруг романа «Идиот» ситуации. Не ставлю я задачу и охватить круг современных работ по «Идиоту»: обширный обзор дан в названной статье В. А. Свительского.

Первый вопрос, которого мне хотелось бы коснуться, — вопрос о возможности «адекватного» или «истинного» прочтения текста художественного произведения. Существует ли одна единственно верная интерпретация и если да, то каковы ее критерии? Не вдаваясь в историю вопроса, различия школ и мнений, позволю себе опереться на точку зрения современного теоретика. П. Е. Бухаркин в монографии «Риторика и смысл» формулирует ответ на данный вопрос следующим образом: «Нет никакого сомнения в том, что литературное творение отличается содержательной широтой, что диапазон его значений весьма велик и ни в коей мере не выразим логическими категориями. Но все же оно не безгранично многозначно и, более того, не многосмысленно. В нем — множество семантических оттенков, но **художественный смысл — только один**)»³. Далее исследователь определяет, в чем собственно состоит этот «единственный» смысл: «Правда, этот конечный смысл — весьма специфический, и точнее было бы здесь говорить не о смысле, а о **поэтической модальности**, о некотором **смысловом векторе**. Это во многом связано с особенностью содержания литературного сочинения, которое **не статично, а динамично**. Ведь, как известно, художественная структура противоречива. А диалектическое противоречие всегда — не столько отношение, но и **процесс**. <...> Самодвижением, обусловленным диалектическими противоречиями, является и поэтическое содержание литературного произведения, потому-то и говорят применительно к нему о **динамическом смыслообразовании**»⁴.

---

² Свительский В. А. «Сбились мы. Что делать нам!..» (К сегодняшним прочтениям романа «Идиот») // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. №15. С. 212.

³ Бухаркин П. Е. Риторика и смысл. СПб., 2001. С. 109.

⁴ Там же.

Таким образом, П. Е. Бухаркин определяет содержание художественного произведения как процесс развития диалектического противоречия, изначально заложенного автором, а «конечный художественный смысл» как «модальность, определяющую направление этого процесса»⁵. Этот «конечный художественный смысл» «обуславливает линейную последовательность в развертывании содержания»⁶.

Данные теоретические положения представляются важными для решения главной проблемы в изучении романа «Идиот» — интерпретации образа князя Мышкина. Ведь в основе содержания романа — сложное диалектическое противоречие между образом «положительно прекрасного человека» и единственной и неповторимой личностью «от века вечного идеала» Христа. Это противоречие Достоевский сформулировал в известном письме С. А. Ивановой от 1 / 13 января 1868 г.⁷, когда первая часть романа (первые семь глав) была уже отослана в «Русский вестник» М. Н. Каткову. Замысел Достоевский обозначает и в известном письме А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 / 12 января 1868 г.: «изобразить вполне прекрасного человека» (28₂; 241); затем неоднократно возвращается к нему в процессе работы над романом в подготовительных материалах.

Важно обозначить и другую сторону проблемы. А. П. Скафтымов писал: «Только само произведение может за себя говорить. Ход анализа и все заключения его должны имманентно вырастать из самого произведения. Всякий отход в область ли черновых рукописей, в область ли биографических справок грозил бы опасностью изменить и исказить качественное и количественное соотношение ингредиентов произведения, а это в результате отозвалось бы на выяснении конечного замысла»⁸. Безусловно, ученый был при этом далек от намерения игнорировать биографический и историко-литературный материал. Он призывал учитывать его в соот-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Необходимо отметить, что В. А. Свительский в своей интерпретации письма сводит образ князя Мышкина к собственно литературному, ссылаясь на литературных героев, которых указывает Достоевский: Дон Кихота, Пиквика, Жана Вальжана (см.: Свительский В. А. Указ. соч. С. 219–220). В то время как сам Достоевский, охарактеризовав этих героев, пишет: «У меня ничего нет подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача» (28₂; 251). Особая природа героя «Идиота» всегда «мешала» исследователям в интерпретации его образа. Л. В. Пумпянский писал по этому поводу: «Про князя Мышкина нельзя сказать, как про других, что ему тесно в кругу поэтического вымысла и что он рвется к иной, поэтом не предусмотренной, единолично ему принадлежащей деятельности; что верно по отношению к другим, грубо неверно было бы в отношении князя Мышкина, ибо его несовпадение с целями эстетической культуры, — вследствие которой и он, конечно, „много хлопот задает“ эстетике, не знающей, как справиться с его темой, — происходит не от измены ей, т. е. не от убийства самого поэта его же героем, но от иной духовной родины, из которой он насильственно перенесен в сферу культуры» (Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 528).

⁸ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 30.

ношении с законченным целым художественного произведения. Сам текст произведения, его поэтика, внутренняя организация позволяют «прочитать» его в соответствии с замыслом автора, а не вопреки ему. Это известное положение необходимо, видимо, вспомнить, в связи с тем что в последнее время исследователи все чаще уходят от *текста* художественного произведения, погружаясь в область истории, философии, богословия. «Идиот», с одной стороны, провоцирует исследователя на такой путь, с другой — оказывается «заложником» разысканий и интерпретации исследователем культурологического (в широком смысле) материала⁹. Вопрос же о смысле соотношения исследуемого культурологического материала и *авторского вектора* организации художественного целого остается по большому счету нерешенным. Противоречие между замыслом о «положительно прекрасном человеке» и тем потенциалом, который раскрывается в образе князя Мышкина в художественном целом «Идиота» пока не находит объяснения в работах современных исследователей. Критики, которые отрицают положительный смысл образа героя, входят в противоречие с автором, утверждающим этот смысл художественным целым романа. Те же, кто отстаивает исключительно положительный смысл образа, входят в противоречие с процессом динамического развития образа, обозначающим глубинные истоки трагедии судьбы «положительно прекрасного человека»¹⁰.

Соответственно возникает необходимость формулировки тех принципов художественной организации произведения, которые в наибольшей

---

⁹ Так, Т. А. Касаткина в очень интересной с историко-культурологической точки зрения работе «Горизонтальный храм: „Поэма романа“ „Идиот“» пишет: «Истинные параметры мира, созданного в „Идиоте“, видны только извне, из истории» (Достоевский и мировая культура. М., 2001. № 14. С. 17).

¹⁰ Возвращаясь к полемике с Т. А. Касаткиной по поводу статьи Л. А. Левиной «Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну», хочу указать на то, что избранный Л. Левиной путь интерпретации привел ее к выводам, которые противоречат художественной идее, утверждаемой Достоевским в романе, — идее «доброто, честного, сгоревшего в идеале» (9; 264). Соответственно звучит и вывод: «Так как Мышкин — заведомо не Христос, он изначально оказался структурно неадекватным самому себе. Разрыв между заложенными в нем свойствами и объективно обусловленной реальными человеческими силами возможностью нести в себе эти свойства непреодолим. В этом смысле Достоевский поставил предельно чистый художественный эксперимент, с абсолютно корректно заданными параметрами, и получил, по-видимому, единственно возможный результат» (Левина Л. А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века / Сост. Карен Степанян. М., 1996. С. 368.). Этот упрек я адресую и себе (см.: Тоичкина А. В. Проблема идеала в творчестве Достоевского 1860-х годов (Роман «Идиот») // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 11. С. 29–34). Получается, что Достоевский хотел создать образ «положительно прекрасного человека», а эксперимент привел к обратным результатам. Между тем, сам писатель был доволен далеко не сразу найденным трагическим финалом. Трагедия в художественном целом являлась одним из средств воплощения художественной идеи «сгоревшего в идеале».

степени выражают авторскую позицию в тексте романа. С моей точки зрения, для поэтики «Идиота» важными оказываются принципы риторического построения речевых стратегий¹¹: каким образом автор выстраивает монологи и диалоги героев, как проявляется в самом строении слова героев и повествователя позиция автора, как меняются принципы словесного создания образа героя в процессе его эволюции¹². Кроме того, важным средством утверждения авторской позиции представляется способ и качество введения в текст романа других текстов, особенно текста Евангелия.

О роли евангельских реминисценций в последнее время пишется достаточно много¹³. В данных заметках мне бы хотелось остановиться на идее, которую высказывает в своей статье «Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе „Идиот“» К. А. Степанян¹⁴. В этой статье К. Степанян пишет о глубокой пародийности романа «Идиот». Так, соотношение текстов романа и Евангелия он рассматривает именно как пародийное: «Но в романе есть и гораздо более значимые *пародии*. Очевидно сопоставлена (уже в самом романе и в черновиках к нему) сцена беседы Мышкина с Настасьей Филипповной — с евангельской, когда к Христу приводят блудницу»¹⁵. Как пародийный по отноше-

¹¹ Напомню мысль В. В. Виноградова о том, что образ автора — это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» (*Виноградов В. В. О теории художественной речи*. М., 1971. С. 118).

¹² Данная проблема рассматривается мною в статье: *Тоичкина А. В. Оценочное поле образа князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (речевой аспект)* // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. С. 206–229. Должна отметить, что именно путь изучения принципов речевой организации романа привел меня к выводу об *утверждении* автором в *тексте* произведения идеи «положительно прекрасного человека».

¹³ Так, мать Ксения [Н. Н. Соломина–Минихен] пишет в своей работе, «что влияние Евангелия на роман поистине огромно» (*Мать Ксения [Н. Н. Соломина–Минихен]*. О роли книги Ренана «Жизнь Иисуса» в творческой истории «Идиота» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. С. 106.). О значении Евангелия для текста романа в указанном аспекте пишут в своих работах И. Кириллова (*Кириллова И. А. Литературное изображение Христа* // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 60–74), Е. Новикова (*Новикова Е. Г. Христианские тексты и проблема софийности романа Ф. М. Достоевского «Идиот»* // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, 1999. С. 7–30) и другие исследователи. Проблеме взаимодействия текстов уделено значительное место в книге С. Сальвестрони «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского» (СПб., 2001). Изучению данной проблемы посвящена и моя диссертация «Пути решения проблемы идеала в художественном творчестве Ф. М. Достоевского 60-х годов XIX века (от «Записок из подполья» к роману «Идиот»)» (СПб., 2001).

¹⁴ См.: *Степанян К. А. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот»* // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. С. 137–162.

¹⁵ Там же. С. 149.

нию к Евангелию рассматривает исследователь и случай воскресения рядового Колпакова в рассказе генерала Иволгина¹⁶, и явления привидений в романе¹⁷. Пародийным по сути оказывается и замкнутое, цикличное время романа (по отношению к разомкнутому в вечность времени Евангелия). Особое место в этом ряду занимает картина Г. Гольбейна «Мертвый Христос» (или «Христос в могиле»)¹⁸.

Эта идея исследователя представляется мне плодотворной, ибо по большому счету пародия является важным механизмом, который использует автор для реализации смыслового потенциала текста. Ю. Н. Тынянов в своих известных работах о пародии указывает на то, что пародия не является по своей сути комическим явлением: «Комизм — обычно сопровождающая пародию окраска, но отнюдь не окраска самой пародийности. <...> Пародия вся — в диалектической игре приемом. Если пародией трагедии будет комедия, то пародией комедии может быть трагедия»¹⁹. Для Ю. Тынянова пародия — явление литературной эволюции²⁰. Пародия всегда связана с «переводом» явлений из одной системы в другую: «Все методы пародирования, без изъятия, состоят в изменении литературного произведения, или момента, объединяющего ряд (автор, журнал, альманах), или ряда литературных произведений (жанр) — как системы, в переводе их в другую систему. Собственно говоря, каждое употребление слова в ином окружении или контексте является частичной переменной значения <...> Каждый отрыв какого-либо литературного факта от одной системы и введение его в другую является такой же частичной переменной значения»²¹.

В этом смысле отношения романа «Идиот» (как явления эпохи нового времени или, по выражению А. В. Михайлова, эпохи «неготового слова»²²) с христианским контекстом являются глубоко пародийными. И взаимодействие двух текстов — собственно литературного (романа) и сакрального (Евангелия) — является наиболее ярким воплощением этого диалектического процесса²³. Та «перемена в значениях», которая происходит в результате «перевода» явления из одной системы в другую, становится принципиальной для понимания «конечного» смысла произведения. Именно поэтому исследователи, которые видят в образе князя Мышкина воплоще-

¹⁶ О смысле этого пародийного эпизода пишет О. Меерсон (*Меерсон О.* Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. С. 42–59).

¹⁷ *Степанян К. А.* Указ. соч. С. 153–154.

¹⁸ Там же. С. 152.

¹⁹ *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 226.

²⁰ Там же. С. 293.

²¹ *Тынянов Ю. Н.* Указ. соч. С. 294.

²² *Михайлов А. В.* Языки культуры. М., 1997. С. 406.

²³ Если мы проанализируем роман «Идиот» в контексте его взаимодействия с житийным жанром, то тоже будем говорить о своеобразном «переводе» жанра жития в принципиально другую жанровую и историческую систему. Несовпадение двух явлений (при том, что автор предполагает ориентацию одного на другое) позволяет обозначить тот новый смысл, который писатель хотел выразить своим произведением.

ние идеи евангельского Христа и не хотят замечать ту существенную метаморфозу, которую эта идея в рамках романа претерпевает, не могут ответить на многие важные вопросы, поставленные романом. Другое дело, что для самого Достоевского на этапе создания романа именно образ князя Мышкина во всей его противоречивости и неоднозначности выражал «его старинную и любимую идею» «положительно прекрасного человека», «Князя Христа». Идею эту Достоевский излагал и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», и в записях 1860-х гг. («Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?», «Социализм и христианство»). К. Степанян по этому поводу замечает: «Нам порой кажется, что после каторги христианское мировоззрение Достоевского окончательно сложилось и уже не претерпевало изменений. Но это, конечно, было не так. И. Кириллова, в частности, пишет: „Несмотря на уже происшедшую «перемену убеждений», Достоевский еще продолжает использовать доводы, в частности, концепции Сен-Симона, отмеченные нравственным гуманизмом русского романтического религиозного утопизма (Новохристианство)“. Об этом пишут и другие исследователи»²⁴. И далее, в отношении собственно образа князя Мышкина, К. Степанян указывает: «Многие исследователи отмечают сильный и значительный автобиографический момент, отразившийся в творческом процессе создания романа „Идиот“. Этот элемент, может быть, был даже сильнее, чем мы думаем. <...> Отсюда — то безусловное авторское сочувствие и сопереживание герою, которое мы не можем не ощущать, читая роман. Другой значительной составляющей при создании романа была, бесспорно, христианская тематика. Но была еще и третья составляющая — располагающаяся между ними — идея, идеал, образ положительно прекрасного человека. <...> Христианская вера Достоевского постоянно развивалась и углублялась. Это происходило и в процессе создания романов, и от романа к роману. По произведениям Достоевского „мы <...> постигаем, как медленно и неуклонно совершалось истинное обращение Достоевского к христианству“ (Д. Барсотти)»²⁵.

К. Степанян склонен разводить «составляющие» единого целого образа князя Мышкина как противоречащие друг другу элементы. В то время как для Достоевского это внутреннее глубокое противоречие является на этапе создания «Идиота» источником и средством воплощения и жизненности его художественной идеи. Это противоречие с самого начала и на протяжении всей работы над окончательной редакцией романа является основным механизмом реализации смысла художественного целого произведения. А жизненность и художественность романа «Идиот» сегодня, кажется, не нуждается в доказательствах критиков²⁶.

---

²⁴ Степанян К. А. Евангелие от Иоанна и роман «Идиот» // Достоевский и мировая культура. М., 2001. № 14. С. 106.

²⁵ Степанян К. А. Евангелие от Иоанна... С. 108–109.

²⁶ В. А. Свительский видит в противоречивости оценок романа Достоевского «перечеркивание» его художественных достоинств (См.: Свительский В. А. Указ. соч. С. 209–210).

Современный этап в изучении «Идиота», хочется верить, станет плодотворным, ибо он ставит задачу прочесть смысл произведения во всей его *противоречивой полноте*. Кроме того, в современных работах накоплено необыкновенно много ценных наблюдений над текстом, которые вскрывают внутренний потенциал идей и образов данного художественного явления и мира Достоевского в целом. Их обобщение и интерпретация — с учетом *всей совокупности разноречивых свидетельств текста* — еще впереди.

С моей же точки зрения, именно сложность гениального произведения Достоевского и неадекватность литературоведческого подхода к нему являются причинами кризиса.